

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА ЭВЕНКОВ И ТОФОВ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Если для бурят Иркутской губернии в конце XIX–начале XX вв. основным содержанием трансформационных процессов хозяйственной деятельности связано с реформой землеустройства и ее последствиями, то изменения традиционного хозяйства так называемых «бродячих инородцев» — эвенков (тунгусов) и тофов (карагасов), лежат в несколько иной плоскости. Исследователи хозяйства эвенков и тофов чаще всего склонны отождествлять эти изменения с постепенным вовлечением «бродячих инородцев» в систему товарно-денежных отношений, что выражалось, в первую очередь, в интенсификации пушного промысла¹. Называются также переход части «бродячих инородцев» к оседлому образу жизни, обращение их к животноводству и земледелию.

Все проявления трансформации традиционного хозяйства эвенков и тофов представляется возможным объединить в две группы. Первую группу составляют изменения, связанные с трансформацией самого способа природопользования. Жизнеобеспечение эвенков и тофов всегда было самым тесным образом связано с окружающей природной средой, эта связь гораздо заметнее, чем у соседних бурятского и русского народов, и проявляется она в приоритете «присваивающего» фактора над «производящим». Поскольку природная целесообразность, очевидно, первична по отношению к целесообразности экономической, и ее примат для хозяйства эвенков и тофов также не вызывает сомнений, изменение именно *способа природопользования* может быть признано одной из основных составляющих процесса трансформации традиционного хозяйства этих народов. Во вторую группу входят изменения, связанные с формированием у эвенков и тофаларов зачатков товарного хозяйства. При всей тесной взаимосвязи этих двух групп явлений, и их синхронности во времени, изменения первой группы касались *содержания*

хозяйственной активности (например, переход от занятия только охотой дополнительно к скотоводству или земледелию), в то время как изменения второй группы затрагивали *форму* способа природопользования (переход от потребительской охоты к товарной). Здесь речь пойдет об изменениях первой группы.

Трансформация способов природопользования эвенков и тофов в части содержания хозяйственной активности проявилась в следующих изменениях: 1) интенсификация скотоводства; 2) развитие земледелия; 3) переход части эвенков и тофов к оседлости.

Тофы проживали компактно на юго-западе Иркутской губернии, на территории Нижнеудинского округа (уезда). Они кочевали на площади около 120 000 квадратных верст, доходя иногда до Тункинского края. Численность тофов в 1888 году составила 431 человек². Проживание в условиях высокогорной тайги определило их основной способ жизнеобеспечения — охота на копытных (лось, олень, изюбрь), и кочевой образ жизни, опирающийся на оленеводство. Тофы были «оленоводы по способу передвижения, охотники по форме хозяйства»³. Эвенки (тунгусы) проживали на территориях четырех из пяти округов Иркутской губернии, — Киренского, Верхоленского, Иркутского и Балаганского. В конце XIX века существовало шесть эвенкийских инородческих ведомств: Нижнеилимское, Киренско-Хандинское, Курейское и Кондогирское⁴ — в Киренском округе, Очеульское и Тутурское — в Верхоленском округе. О двух последних, в силу малочисленности населения, в начале XX века писали, как о существующих «по недоразумению»⁵. Кроме этого, в конце XIX века эвенки проживали на территориях бурятских инородческих ведомств, — Кудинского (тунгусы Чинканова рода, голоустинские тунгусы, 104 человека), Аларского (малобельские тунгусы, 58 человек)⁶. В 1888 году 8 тунгусов проживали в Ольхонском ведомстве⁷. Часть тунгусов Киренского округа, перекочевавших из Якутской области, находилась в непосредственном подчинении Виллюйского исправника⁸. По данным переписи 1897 года, на территории Иркутской губернии проживало всего 2017 тунгусов, что составляло 0,39% численности населения губернии⁹. По уточненным данным С. Патканова в Иркутской губернии проживало до 2191 эвенка¹⁰. У эвенков, помимо охоты, большую роль играли собирательство и рыболовство, то есть их хозяйство имело более комплексный

характер. Огромную роль в эвенкийском, как и в тофаларском, хозяйстве играли олени, выполняющие транспортную функцию.

Разведение скота, а именно оленей, для эвенков и тофаларов было традиционным занятием. Из двух народов приоритет в оленеводстве принадлежал тофам, — в конце XIX века 94% тофаларских хозяйств имели оленей. На душу мужского пола в 1888 году у тофов приходилось 5,1 оленей, на хозяйство — 13,5 оленей¹¹. Н.М. Астырев отмечал, что «карагас без оленей — это то же, что земледelec без земли, орудия, рабочего скота и дома»¹². Более того, у тофов «места кочеваний определяются в значительной степени оленем»¹³. Эвенки, проживающие в различных географических условиях, имели различное количество оленей, но в целом оленеводство у них было развито в меньшей степени. Например, у тунгусов Нижнеилимского инородческого ведомства в 1883 году на наличную душу мужского пола приходилось лишь 1,2 оленей¹⁴. Несмотря на меньший удельный вес оленей, «эвенкийское оленеводство являлось важнейшим компонентом системы природопользования, обеспечивая наиболее рациональные варианты освоения биотических ресурсов»¹⁵. И у тофов, и у эвенков олени в основном использовались как транспортное средство при передвижении в поисках промыслового зверя. Таким образом, оленеводческий характер хозяйства тофов и эвенков был подчинен охоте. По образу жизни таежное население Иркутской губернии, как и Сибири вообще, делилось на «кочевых» и «бродячих». По официальной градации, «инородцы» различались по «степени их гражданского образования и образу жизни, а именно по качеству их промысла, составляющего главный предмет их пропитания»¹⁶. Все тофы относились к «бродячим инородцам» ввиду кочевого образа жизни. Среди эвенков (тунгусов) Иркутской губернии, наряду с «бродячими» выделяются и «кочевые». Это говорит о неравномерности развития тунгусского населения края, — кроме «бродячих» оленеводов значительную долю тунгусского населения составляло полуоседлые «кочевые» эвенки, в хозяйствах которых оленей почти не было.

В конце XIX–начале XX вв. начинается переориентация хозяйства эвенков и тофов в направлении интенсификации скотоводства, как вида природопользования.

В Тофаларии указанная тенденция имеет свои особенности. У тофов уже исследования 1887–1889 г. фиксируют появление лошадей. Лошади использовались как транспортные животные при перекочевках и на охоте. При этом отмечается, что лошади начали появляться у карагасов от бурят незадолго до исследований. В современной науке есть мнение о сохранении коневодства у тофов с «древнетюркских времен»¹⁷. В 1888 году из 82 хозяйств не имели лошадей лишь 22 (26,8%). К 1912 году количество лошадей увеличилось до 53¹⁸, в 1914 г. их было уже 56, а к 1925 году у карагасов было уже 130 коней¹⁹. Вместе с тем изменяется характер оленеводства. Среди карагасов в 1888 году лишь два хозяйства из 83 имели более 50 оленей и лошадей, при этом отмечается, что раньше были хозяйства, содержащие до 300 оленей²⁰. К 1912 году у тофов насчитывалось 2579 оленей²¹ (рост по сравнению с 1888 г. — 56,5%), в то время как население в 1911 составляло 449 человек²² (+4% к уровню 1888 года).

Это может свидетельствовать об одной из двух тенденций, — либо тофы стали больше кочевать, что требовало увеличения оленьего стада, либо они стали использовать оленя не только в транспортных целях. Учитывая, что порядок и территория перекочевков тофов в рассматриваемый период оставались, по всей вероятности, неизменными (во всяком случае о таких изменениях не упоминается в источниках), логичнее предположить второй вариант. В 1914 году отход поголовья оленей составил 37,9%²³, тогда как поголовье оленей насчитывало 2667 животных²⁴. Такое сокращение не может быть объяснено только естественными причинами падежа скота. Причины этой тенденции заключались в другом. Во-первых, использование в качестве транспортного средства лошади было предпочтительнее в плане скорости передвижения и грузоподъемности, что создавало для оленя серьезную конкуренцию в тофаларском хозяйстве. Во-вторых, и это, очевидно, главное, уменьшение количества промыслового зверя заставляло тофов все чаще использовать в пищу мясо оленей. Если в 1887 году тофами было добыто 249 диких оленей и 134 изюбря, то в 1888 году — только 156 и 126 соответственно. На уменьшение количества зверя, которое заставляет их переходить к другим промыслам, указывали и сами тофы²⁵.

Указанная тенденция прослеживается и в дальнейшем. При сопоставлении данных за 1888 и 1914 годы обнаруживается сокращение добычи основных промысловых видов копытных (дикий олень, изюбрь, лось) с 361 до 344 голов, т.е. почти на 5%, при увеличении численности населения с 431 до 447 человек (на 4%), а также увеличении числа едоков на одного взрослого мужчину с 4,1 до 4,5²⁶. Очевидно, что тофы не могли ограничиваться при обеспечении себя пищей только охотой. По данным М.В. Филипповой (Рагулиной), при имевшемся на начало XX века населении, тофы должны были ежегодно добывать 1438 лосей или 2877 изюбрей²⁷. Реальные масштабы добычи были намного скромнее. Поэтому недостаток средств к существованию в результате сокращения промысла решался за счет забоя оленей. В 1914 году на мясо тофами было забито 17,6% всего оленьего стада, что сопоставимо со средними данными по Сибири по забоям крупного рогатого скота (в 1913 году — 17,3%)²⁸. Вследствие сокращения промыслового зверя и усиления расслоения карагасского общества по причине нещадной эксплуатации со стороны скупщиков мехов, жители Тофаларии были вынуждены забивать домашних оленей. Поскольку естественным образом поголовье оленей не успевало восстановиться, в последующие годы наблюдается его сокращение²⁹. Все эти факты свидетельствуют о некотором изменении характера оленеводства, — из средства передвижения олень превращается в источник пищи. В свою очередь, сокращение оленьего стада приводило к дальнейшему углублению имущественного неравенства, толкая безоленных и малооленных карагасов к занятию различными промыслами.

М.В. Филиппова на начало XX века в тофаларском хозяйстве фиксирует три типа природопользования³⁰. Первый характеризуется приоритетом потребительской охоты при транспортном оленеводстве, во втором доминирует пушной промысел, тесно связанный с рынком, третий ориентирован на выпас оленей. Очевидно, с выделением последнего типа и может быть связан процесс интенсификации скотоводства в Тофаларии. Тофы, в отличие от эвенков, не допускали вольного выпаса оленей, хотя обладали значительными угодьями. Это обстоятельство также может быть принято в качестве подтверждения особого положения оленя в хозяйстве тофов.

Таким образом, в конце XIX–начале XX вв., в тофаларском традиционном хозяйстве фиксируются определенные тенденции, связанные с изменением характера оленеводства: с одной стороны, олени продолжают использоваться как транспортное средство, но к этому добавляется использование в этих же целях лошадей, с другой стороны, оленеводство начинает теснить промысел копытных как основной источник средств существования. Изменение характера оленеводства было вызвано, в первую очередь, сокращением добычи зверя, то есть явилось следствием обстоятельств природного происхождения. Использование домашних оленей как источника пищи свидетельствует об очень важной тенденции, — обращение от присваивания продуктов питания к их производству. Безусловно, говорить о полном переходе тофов к производящему хозяйству в конце XIX–начале XX вв. еще рано. Проблематично также рассматривать домашнего оленя как стабильный источник мяса (каким для бурят, например, являлся крупный рогатый скот). Тем не менее, этот факт показателен, так как он дает представление о том, в каком направлении происходили бы процессы изменения традиционного тофаларского хозяйства в объективных условиях сокращения поголовья промысловых животных в природе, если бы внешние контакты тофов не представили им альтернативы в виде товарной охоты.

Процесс интенсификации скотоводства отмечается и в эвенкийском хозяйстве, однако, здесь он имел несколько иную направленность. Как уже отмечалось, среди эвенков оленеводство было развито в меньшей степени, нежели у тофов. Олени использовались почти исключительно как транспортное средство. Забой домашних оленей осуществлялся лишь в исключительных случаях. Притом, что основным источником получения средств к существованию была охота на копытных, у эвенков, по сравнению с тофами, большую роль играли собирательство и рыболовство, за счет чего и компенсировался недостаток продуктов питания. Трансформация традиционного эвенкийского хозяйства проявилась как в изменении состава эвенкийского скота, так и в повышении удельной доли продуктов животноводства в структуре потребления эвенков. Вместе с тем, несколько изменяется функция оленеводства в системе традиционной хозяйственной деятельности.

Изменения в составе скота выразились в распространении среди эвенков практики содержания лошадей и КРС, изменения в быте — в отказе части эвенков от потребительского промысла в пользу животноводства. Надо отметить, что, вероятно, скотоводство не было для тунгусов чем-то новым. Как считают многие исследователи, до расселения по огромным сибирским пространствам основу их хозяйства составляло как раз скотоводство. Однако «... в результате хозяйственной адаптации к более однообразным ландшафтам средней тайги иммиграционные группы эвенков утратили навыки коневодства и табунного скотоводства»³¹.

Сформировавшийся у эвенков способ природопользования, основанный на потребительской охоте, транспортном оленеводстве, рыболовстве и собирательстве, явился следствием приспособления к окружающей среде. Этот способ был оптимальным для данных географических условий, однако в XIX веке он подвергается изменениям, несмотря на то, что природная среда проживания эвенков не претерпела изменений. Уже в середине XIX века фиксируются факты разведения лошадей тунгусами Киренско-Хандинского ведомства, жители которого были типичными кочевниками-оленеводами, — в 1865 году «бродячие инородцы» ведомства имели 675 оленей и 10 лошадей³². В 1880 году на 279 жителей Кондогирского ведомства приходилось 668 оленей, 8 лошадей и 11 голов крупного рогатого скота³³.

Гораздо заметнее изменения хозяйства в районах, расположенных рядом с местами компактного проживания русских и бурят. В конце века официальные сводки фиксируют достаточно высокий уровень скотоводства иркутских тунгусов. Например, в Нижнеилимском инородческом ведомстве в 1883 году эвенки содержали 158 оленей (на душу мужского пола — 1,2), 53 лошади (0,4), 64 головы крупного рогатого скота (0,5), а также 92 овцы и 23 свиньи³⁴. Причем, четко выделяется две группы эвенков. «Бродячие» тунгусы имели исключительно одних оленей, которых у них приходилось 3,2 головы на душу. «Кочевые» не разводили оленей вовсе, зато у них приходилось по 2,6 головы различного другого скота на душу мужского пола³⁵. Безусловно, отмеченные показатели не позволяют причислить «кочевых» нижнеилимских тунгусов к скотоводам, тем не менее, отсутствие у них традиционных для эвенков оленей, а также наличие пашни и даже огородов³⁶

заставляют предположить, что отнюдь не только потребительская охота доставляла им средства к существованию. «Кочевничество» этих тунгусов выражалось не в том, что они постоянно меняли место жительства, как их «бродячие» соплеменники, а в периодическом уходе части населения, как правило, мужчин, на промысел в тайгу. Тунгусы Зогинского стойбища (бурятское Кудинское инородческое ведомство), — 32 мужчины и 34 женщины — в 1901 году содержали 17 коров, 10 голов мелкого рогатого скота и 20 лошадей. У тунгусов Кочергинского стойбища того же ведомства было 3 лошади и 4 головы КРС на 17 человек (8 мужчин и 9 женщин). При этом в источнике подчеркивается, что большая часть лиц мужского пола — зверопромышленники (в Зогинском стойбище — 15 из 32, в Кочергинском — 7 из 8)³⁷. По количеству лошадей и крупного рогатого скота на душу населения (0,3 и 0,3 соответственно) кудинские тунгусы еще значительно отставали от «кочевых» бурят соседнего 2 Ашегабатского рода (1,6 и 1,5), но уже приближались к оседлым бурятам рядом расположенного Курского селения (0,5 и 0,7)³⁸.

Разведение лошадей, овец и свиней, а в особенности — крупного рогатого скота, уход за которым требовал значительных времени и сил, заставляло эвенков отказываться от оленеводства³⁹. Отсутствие во многих хозяйствах эвенков оленей и явная недостаточность лошадей для того, чтобы использовать их к качеству транспортного средства при потребительской охоте, позволяет определить основным занятием жителей стойбищ товарный промысел. Продукция животноводства в этом случае, наряду с покупным продовольствием, и обеспечивала жизнедеятельность кудинских тунгусов. Как и для соседей-бурят, скотоводство для них выполняло важную функцию дополнительного источника существования (у бурят — к земледелию, у тунгусов — к зверопромышленности). Тенденция распространения практики содержания нетрадиционных видов домашних животных прослеживается и у эвенков Верхоленского округа. В.А. Туголуков отмечает, что «к 1875 году эвенки Тутурского ведомства располагали таким количеством домашнего скота, что это потребовало дележа покосов между ними и соседними русскими»⁴⁰. Очевальские тунгусы уже в 1868 году на 583 человека имели 275 оленей, 40 голов крупного рогатого скота и 125 лошадей⁴¹.

К концу XIX столетия животноводство как способ природопользования широко распространяется среди эвенков, и перепись 1897 года уже констатирует, что 8,1% самостоятельных хозяев-тунгусов (6,7% населения с членами семей) считали себя скотоводами⁴². В хозяйствах тунгусов, практически перешедших к оседлости, количество скота в начале XX века уже сопоставимо с поголовьем скота у русских крестьян. Например, в тунгусской деревне Ясачной на реке Коченге (приток Илима) в 1924 году на 120 жителей приходилось 53 лошади, 54 головы КРС и 33 овцы⁴³. Исследователями отмечаются не только распространение у эвенков нетрадиционных для них видов домашних животных, но и изменения способов их содержания, например, появление утугов⁴⁴. Обращение тунгусов к новому для них виду деятельности имеет две главные причины. Первая заключается во влиянии русских и бурятских соседей. Вторая состоит в том, что к скотоводству обращались, как правило, безоленные и малооленные семьи. Факт существования таких семей свидетельствует об уже высокой степени имущественного расслоения в эвенкийских группах. Такое расслоение, в свою очередь, говорит о слабости родовой организации тунгусов.

Таким образом, у «кочевых» эвенков, в отличие от тофов, общая тенденция интенсификации скотоводства заключается в переориентации с оленеводства на разведение крупного рогатого скота и лошадей.

Вместе с тем, современный исследователь хозяйства эвенков, М.Г. Туров, отмечает, что транспортная функция оленя у «бродячих» эвенков именно к концу XIX столетия приобретает все большее значение в связи с увеличением территории, на которой производятся перекочевки. Причем увеличение промысловых площадей происходит не в связи с охотой на копытных, а по причине активизации пушной охоты⁴⁵. Именно с пушным промыслом связаны дальние переходы эвенков с одного места на другое. При таких переходах без оленей было не обойтись, в связи с чем домашний олень становится очень ценным животным. В свою очередь, увеличение поголовья оленей требует освоения дополнительных площадей, необходимых для выпаса. Таким образом, переход к пушному промыслу повлиял на интенсификацию «бродяжничества» тунгусов.

Итак, применительно к «кочевым» эвенкам Иркутской губернии следует говорить о трансформации самой структуры животноводства и повышении его роли в процессе жизнеобеспечения. Этот процесс выразился в полном или частичном отказе некоторых групп эвенков от оленеводства и переходу к практике разведения лошадей и крупного рогатого скота. К этой категории с уверенностью можно отнести «кочевых» тунгусов Нижнеилимского, Тугурского, Оччульского ведомств и немногочисленных эвенков Иркутского округа (уезда), причисленных к бурятским ведомствам. Недостаток сведений по Киренско-Хандинскому, Курейскому и Кондогирскому ведомствам не позволяет отнести какие-либо группы их жителей к данной категории, но все же очевидно, что указанная тенденция в некоторой степени проявилась и здесь. По сведениям В.А. Туголукова во второй половине 1920 гг. прибайкальские эвенки (нижнеилимские, киренско-хандинские, тугурские, оччульские и тунгусы Иркутского уезда) имели 447 оленей, 182 лошади и 150–170 голов КРС⁴⁶. Такое соотношение видов разводимых животных свидетельствует о прогрессивном повышении роли скотоводства в эвенкийских хозяйствах. Скотоводство не стало главной отраслью эвенкийского хозяйства, но было важным источником средств к существованию. В отличие от тофов, интенсификация скотоводства у «кочевых» эвенков стала не столько результатом истощения источников традиционного потребительского промысла, то есть реакцией на «вызов» природы, сколько следствием тесных контактов с русским и бурятским населением (у тунгусов Кондогирского ведомства — с якутами) и выбором под их влиянием экономически более целесообразного способа природопользования.

Вместе с тем, не стоит исключать углубление имущественного неравенства как внутреннюю причину такой интенсификации. У эвенков род представлял собой патронимию (большую семью)⁴⁷, соответственно не существовало общественных институтов выше семьи, контролирующих соотношение имущественных статусов отдельных хозяйств, как в русских или бурятских земледельческих общинах. Такой порядок сложился потому, что главным богатством для кочевых охотников являлись олени, а не земля. В такой ситуации малооленные и безоленные хозяйства под влиянием хозяйственной деятельности соседей-русских

и бурят связывали свое будущее с альтернативными занятиями, — скотоводством и земледелием. Проявлением трансформации животноводческих традиций «бродячих» эвенков стало повышение роли транспортного оленеводства в связи с территориальным расширением сферы охотничьего промысла, что также, в свою очередь, было связано с активизацией торговых контактов с соседними народами.

Переходя к рассмотрению вопроса о распространении среди малых народов Иркутской губернии в конце XIX—начале XX вв. земледелия, нужно отметить, что этот процесс, как и переход к оседлости, в рассматриваемый период в самой малой степени затронул Тофаларию. Причина этого заключается в том, что природные особенности ареала обитания тофов практически исключают возможность занятия земледелием. Кроме того, малочисленность и компактность проживания этого народа, несмотря на интенсивные контакты с представителями других этнических общностей, в то время еще позволяли изыскивать дополнительные ресурсы жизнеобеспечения внутри ориентированного на охоту и оленеводство традиционного тофаларского хозяйства.

В конце XIX века исследователями зафиксировано лишь одно тофаларское хозяйство, основным занятием членов которого было земледелие. В этом хозяйстве, расположенном в стороне от основной территории проживания тофов, в Гадалейском участке Тулуновской волости, кроме всего прочего, содержалось семь лошадей и шесть коров⁴⁸. Судя по количеству скота и замечанию, что именно земледелие является основой жизнедеятельности, хотя площадь обрабатываемой земли неизвестна, можно предположить, что данное хозяйство по своим характеристикам было типично крестьянским, как у соседних нижеудинских бурят или русских крестьян. Безусловно, это хозяйство является исключением из правил, и не может служить объектом анализа тофаларского хозяйства в целом, но сам факт достаточно интересен, как одна из иллюстраций процесса преодоления экономической замкнутости Тофаларии.

Что касается перехода к оседлости, то этот вопрос прямо связан с уровнем развития земледелия, — в отличие от скотоводства, хлебопашество подразумевает необходимость проживания на одном месте. Поскольку земледелие у тофаларов в

рассматриваемый период практически отсутствовало, кочевой образ жизни для них был естественным и единственно возможным в существующих природных условиях, и оставался таковым вплоть до 1920-х гг.⁴⁹

Гораздо большее значение земледелие имело для эвенков. Лишь «бродячие» тунгусы, жизнь которых была связана с постоянными перемещениями, не занимались земледелием. Зато почти во всех группах «кочевых» тунгусов в XIX веке земледелие было знакомым и обычным, хотя и имеющим подсобный характер, родом занятий. В Нижнеилимском ведомстве уже в 1869 году было 6 мельниц⁵⁰. Возможно, что на них перемалывалось не только доморощенное зерно местных тунгусов, но источники указывают, что в дальнейшем происходит интенсификация тунгусского земледелия. В 1883 году у «кочевых» тунгусов ведомства было 108 десятин под пашней (1,2 дес. на душу мужского пола) и 9 десятин под огородами. По выбору сельскохозяйственных культур инородцы практически ничем не отличались от русских крестьян, — ими выращивались рожь, пшеница, овес, ячмень⁵¹. Учítывая, что в ведомстве состояли и «бродячие» тунгусы, хлебопашество, выражаясь словами составителя приложения к отчету по ведомству, «очень мало имеет влияния в экономическом отношении на благосостояние народа»⁵². «Иногородцы» не производили хлеб на продажу, почти не занимались огородничеством, хлеб на пропитание в основном брали у русских крестьян в долг из расчета на год, рассчитываясь потом шкурками пушных зверей. Основным же занятием тунгусов Нижнеилимского ведомства был товарный промысел⁵³.

Вместе с тем, год от года земледелие получает все большее распространение в эвенкийских ведомствах, что дает возможность предположить его целесообразность в глазах самих тунгусов. Если в Очеульском ведомстве в 1868 году «хлебопашеством тунгусы не занимаются»⁵⁴, то к концу столетия и очеульские, и тутурские эвенки начинают приобщаться к земледелию⁵⁵. Занимались огородничеством отдельные хозяйства Кондогирского ведомства⁵⁶. В 1880 году трое тунгусов Курейской управы занимались хлебопашеством⁵⁷. Редкость среди кондогирских и курейских тунгусов земледелия объясняется неблагоприятными природными условиями бассейна Нижней Тунгуски, в этих

местах даже русские крестьяне сводили концы с концами лишь благодаря помощи из казны⁵⁸. Географически занятие земледелием распространено у тунгусов не так широко, как скотоводство, но по численности эвенков-земледельцев можно говорить о том, что земледелие даже более популярно, чем скотоводство. По результатам переписи 1897 года 10,4% тунгусских хозяйств Иркутской губернии (12,4% населения с членами семей) жили за счет земледелия⁵⁹. Это почти вдвое больше, чем скотоводческих эвенкийских хозяйств. Причина этого феномена, по-видимому, состоит в том, что большая часть бурятского и русского населения, состоящая в постоянных контактах с эвенками, занималась именно хлебопашеством. Как и скотоводство, земледелие стало элементом эвенкийского хозяйства в результате заимствований хозяйственных традиций русских и бурят.

Как и в случае с распространением скотоводства, земледелие получает большее развитие у прибайкальских эвенков (по классификации В.А. Туголукова), особенно у тунгусов Нижнеилимского ведомства. Как и распространение практики содержания КРС, земледелие во многом было обусловлено имущественным расслоением эвенкийского общества, — к земледелию переходили наиболее бедные, безоленные семьи.

Разведение крупного рогатого скота и, в особенности, земледелие, требующее постоянного внимания к обрабатываемым почвам, стали причинами перехода части эвенков к оседлому образу жизни, — сначала «кочующие» тунгусы начали заниматься земледелием, а уже потом переходили к оседлости. Во всяком случае, именно с оседлостью связываются перспективы развития тунгусского хлебопашества руководством ведомств⁶⁰. В 1883 году в Нижнеилимском ведомстве из 62 юрт 28 (почти половина) были деревянными, сверх того, учтено 49 нежилых деревянных зданий (амбары, помещения для скота и т.д.)⁶¹. Этот факт указывает на то, что т.н. «кочевые» тунгусы ведомства, скорее всего значительную часть года жили оседло, — иначе, зачем строить нежилые постройки и как заниматься выращиванием хлеба? В том же Нижнеилимском ведомстве, по данным С. Патканова, в 1897 году насчитывалось уже всего 18 хозяйств «бродячих» тунгусов (оленьеводов) из 42⁶². Вместе с тем, можно заметить и обратный порядок — от оседлости к земледелию. Так, например, в эвенкийском

Очеульском ведомстве, жители которого в середине XIX века еще не сеяли хлеба, уже в 1830 году наряду с традиционными берестяными юртами, которые легко разобрать и не жалко бросить, что для эвенков, постоянно менявших место жительства, было очень важно, источники фиксируют и юрты деревянные, из чего следует, что часть тунгусов, по крайней мере, должна была регулярно возвращаться в обжитые места. На 150 берестяных юрт приходилось 20 деревянных⁶³. Наличие постоянных деревянных юрт у тунгусов, не занимающихся земледелием, свидетельствует об осознании ими необходимости сезонной оседлости в целях стабильности контактов со скупщиками мехов. В 1868 году в Очеульском ведомстве было уже 27 деревянных жилых домов, 158 деревянных юрт и лишь 138 берестяных⁶⁴. Материалы исследований 1887–1889 гг. отмечают, что у тунгусов Иркутского округа, охотящихся по берегам Байкала, также есть усадебная земля, к которой они должны были быть привязаны, «что заставляет предполагать известную оседлость»⁶⁵. Современный исследователь катангских тунгусов утверждает, что к концу XIX века и курейцы с кондогирцами перешли к оседлому и полуоседлому образу жизни, продолжая при этом заниматься охотой⁶⁶.

Итак, интенсификация скотоводства и земледелия (последнего в особенности) у эвенков Иркутской губернии тесно связана с переходом к оседлости. Оседлость «кочевых» эвенков имела сезонный характер, приспособленный под земледельческий цикл работ и охотничий промысел. Переход к оседлости связан с необходимостью обработки земли и содержания скота (сенокос). Так называемые «кочевые» тунгусы не кочевали постоянно, а совершали циклические перекочевки, несколько раз в год возвращаясь в места проживания.

Таким образом, одним из проявлений трансформации традиционного хозяйства эвенков и тофов является повышение роли земледелия и скотоводства. Первое характерно для прибайкальских территориальных групп эвенков. Второе при детальном рассмотрении обнаруживает деление на три варианта: у тофов — использование домашнего оленя в качестве дополнительного источника продуктов питания и распространение коневодства в транспортных целях, у «кочевых» тунгусов — переход от оленеводства к выращиванию лошадей и КРС, у

«бродячих» тунгусов — возрастание роли оленя как средства передвижения.

Земледелие и скотоводство, получившие широкое распространение у эвенков, тем не менее, для абсолютного их большинства оставались вспомогательными занятиями. Причина этого заключена, опять-таки, в природных условиях проживания. Как заметил Я.Н. Ходукин, говоря о нижнеилимских тунгусах, недостаток лугов и покосов, ранние заморозки, и, вместе с тем, постоянное сокращение промыслового зверя «заставляет насельников Илима довольствоваться смешанной формой хозяйства: немного пашни, скота в меру возможности, охота и, уже совсем немного, рыболовство»⁶⁷. По причинам естественного, природного плана, не получило развития земледелие у тофов, а скотоводство было ограничено использованием лошадей (даже не разведением, большую часть лошадей тофы покупали у окинских бурят).

Интенсификация животноводства и земледелия у эвенков, а также связанный с этим переход к относительной оседлости, по всей вероятности, явились следствием контактов с бурятским и русским населением. Эвенки, проживающие среди бурят или русских или в непосредственной близости от них, обнаруживают более развитые животноводство и земледелие. Животноводство, как и земледелие, распространялось у иркутских эвенков на протяжении всего XIX века, в Нижнеилимском ведомстве, например, с 1830 по 1865 гг. доля земледельцев и скотоводов выросла в два с половиной раза и достигла 48,4%⁶⁸. Однако с конца столетия этот процесс приобрел массовый характер, в связи с активной колонизацией региона и, соответственно, усилением межэтнических контактов. Животноводство и земледелие позволяли более рационально вести хозяйство и оптимально использовать имеющиеся ресурсы, гарантированно обеспечивая жизнедеятельность.

Об этом косвенно могут свидетельствовать демографические показатели. Хотя общая динамика численности тунгусского населения говорит о неуклонном вымирании этого народа на протяжении всего XIX века, в том числе за счет ассимиляции, все же показатели эвенков-животноводов и земледельцев выглядят оптимистичнее показателей их сородичей-охотников. Так, в конце XIX века в Нижнеилимском ведомстве среди «ко-

чевых» тунгусов дети до 16 лет составляли 44,5%, тогда как среди «бродячих» — лишь 22,3%⁶⁹. К 1883 году по сравнению с 1869 численность «кочевых» эвенков увеличилась на 56 человек (51,9%), в то время как состав «бродячих» сократился на 68 человек (37,8%). Если предположить, что численность «бродячих» тунгусов уменьшилась, в том числе, за счет перехода части их в разряд «кочевых», все же это только подтверждает тезис о предпочтительности занятия скотоводством и земледелием.

Исходя из сказанного, по вопросу трансформации способов природопользования иркутских эвенков и тофов в конце XIX–начале XX вв. следует сформулировать ряд выводов:

1. Трансформация природопользования тофов и эвенков по сути своей заключается в постепенном изменении соотношения «присваивающей» и «производящей» составляющих хозяйств данных народов в пользу последней.

2. Трансформация способа природопользования тофов явилась следствием, главным образом, сокращения масштабов потребительской охоты, то есть фактора внутреннего происхождения, поэтому ее задачи сводились к оптимизации традиционного оленеводства к новым природным условиям. В отличие от этого, трансформация хозяйства эвенков осуществлялась в первую очередь под воздействием в основном внешних факторов, таких как экономическое и культурное влияние русского и бурятского населения, и должна была стать ответом на новые социально-экономические условия, возникшие под этим влиянием. Другой причиной распространения среди эвенков земледелия и скотоводства являлось имущественное расслоение.

3. Повышение роли транспортного оленеводства у «бродячих» эвенков, имевшее причиной активизацию пушной охоты, является свидетельством влияния специализации на товарном промысле на систему традиционного хозяйства в целом.

Проанализировав состояние тофаларского и эвенкийского хозяйств, М.В. Рагулина выделяет к началу XX века три типа природопользования: оленеводческо-промысловый (связанный с транспортным оленеводством) — для эвенков и тофов, скотоводческо-промысловый и земледельческо-скотоводческо-промысловый — только для эвенков⁷⁰. Принимая в общих чертах эту градацию, все же добавим, что выделение типов природо-

пользования в данном случае произведено по *дополняющим* способам природопользования, тогда как *основным* способом оставалась охота, изменившая в рассматриваемый период характер с промыслового на товарный.

Примечания

¹ См., например: Дамешек Л.М., Кушнарева М.Д. Роль территориального, ресурсного и социального факторов в развитии пушного промысла в Восточной Сибири во II половине XIX—начале XX вв. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2003. Иркутск, 2003. С. 60.

² Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II. Вып. II. Приложение I. С. 180.

³ Петри Б.Э. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах. Иркутск, 1927. С. 3.

⁴ По С. Патканову курейские и кондогирские тунгусы состояли в одном ведомстве (См.: Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Часть I: тунгусы собственно. Вып. I. СПб, 1906. С. 107), однако, это не подтверждается официальными документами, свидетельствующими о существовании двух отдельных ведомств — Курейского и Кондогирского (См.: Иркутские губернские ведомости. 1899. № 43. С. 1).

⁵ Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 171, оп. 1, д. 7, л. 218.

⁶ Материалы... Т. II. Вып. II. С. 96–97.

⁷ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ), ф. 4, оп. 1, д. 1908, л. 29.

⁸ Патканов С.К. Указ. соч. С. 105.

⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXV: Иркутская губерния. СПб., 1904. С. 59.

¹⁰ Патканов С.К. Указ. соч. С. 114.

¹¹ Рассчитано по: Материалы... Т. II. Вып. II. Приложение I. С. 181–182.

¹² Астырев Н. На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891. С. 317.

¹³ Золотарев М.Е., Ходукин Я.Н. Карагассия // Очерки жизни и быта карагас: Материалы Иркутского мкстного комитета Севера. Вып. 1. Иркутск, 1926. С. 73.

¹⁴ Рассчитано по: ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 13, л. 13, 14.

¹⁵ Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). Новосибирск, 2000. С. 57.

¹⁶ Положение об инородцах. Ст.2 // Свод законов Российской империи (в четырех книгах). Книга первая. Т. I–IV. М., 1910. С. 539.

- ¹⁷ Рассадин И.В. Хозяйство, быт и культура тофаларов: Дисс...канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. С. 117.
- ¹⁸ Мельникова Л.В. Тофы: Историко-этнографический очерк. Иркутск, 1994. С. 52.
- ¹⁹ Золотарев М.Е., Ходукин Я.Н. Указ соч. С. 80.
- ²⁰ Материалы... Т. II. Вып. II. Приложение I. С. 182.
- ²¹ Мельникова Л.В. Указ. соч. С. 52.
- ²² Миротворцев К.Н. Указ. соч. С. 2.
- ²³ Филиппова М.В. Экономико-географические основы формирования этнического природопользования на примере малочисленных народов Иркутской области — тофаларов и эвенков: дис. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 1993. С. 107 (Таблица 21).
- ²⁴ Золотарев М.Е., Ходукин Я.Н. Указ соч. С. 76.
- ²⁵ Материалы... Т. II. Вып. II. Приложение I. С. 183.
- ²⁶ Филиппова М.В. Указ. соч. С. 89 (Таблица 15), 91 (Таблица 17).
- ²⁷ Там же. С. 127.
- ²⁸ Там же. С. 107 (Таблица 21); Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 433, оп. 1, д. 17, л. 17об.
- ²⁹ Золотарев М.Е., Ходукин Я.Н. Указ соч. С. 76.
- ³⁰ Филиппова М.В. Указ. соч. С. 117–121.
- ³¹ Там же. С. 32.
- ³² ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 187, л. 410–411.
- ³³ Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. Иркутск, 2002. С. 47.
- ³⁴ ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 13, л. 13.
- ³⁵ Рассчитано по: ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 13, лл. 16–19.
- ³⁶ Там же, л. 14.
- ³⁷ НАРБ, ф. 13, оп. 1, д. 275, л. 79об., 80, 82об.
- ³⁸ Рассчитано по: НАРБ, ф. 13, оп. 1, д. 275, лл. 37, 79об., 80, 82об.
- ³⁹ Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985. С. 21–22.
- ⁴⁰ Там же. С. 16.
- ⁴¹ ГАИО, ф. 148, оп. 1, д. 41, лл. 17, 20.
- ⁴² Рассчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи... С. 115.
- ⁴³ Ходукин Я.Н. Тунгусы реки Коченги. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1927. С. 22, 24.
- ⁴⁴ Филиппова М.В. Указ. соч. С. 73.
- ⁴⁵ Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX–начале XX вв. (принципы освоения угодий). Иркутск, 1985. С. 53, 123, 162.
- ⁴⁶ Туголуков В.А. Указ. соч. С. 19.
- ⁴⁷ Там же. С. 275.

- ⁴⁸ Материалы... Т. II. Вып. II. Приложение I. С. 181.
- ⁴⁹ Мельникова Л.В. Указ. соч. С. 201.
- ⁵⁰ ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 11, л. 9.
- ⁵¹ Там же, д. 13, л. 4, 5, 14.
- ⁵² Там же, л. 9.
- ⁵³ Там же, л. 10, 11.
- ⁵⁴ Там же, ф. 148, оп. 1, д. 41, л. 27.
- ⁵⁵ Туголуков В.А. Указ. соч. С. 16.
- ⁵⁶ Там же. С. 135.
- ⁵⁷ Сирина А.А. Указ соч. С. 48.
- ⁵⁸ Восточное обозрение. 1906. № 269. С. 2.
- ⁵⁹ Рассчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи... С. 115.
- ⁶⁰ ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 13, л. 8.
- ⁶¹ Там же, л. 13.
- ⁶² Патканов С.К. Указ. соч. С. 110.
- ⁶³ ГАИО, ф. 148, оп. 1, д. 5, л. 162а.
- ⁶⁴ Там же, д. 41, л. 16.
- ⁶⁵ Материалы... Т. II. Вып. III. С. 21.
- ⁶⁶ Сирина А.А. Указ соч. С. 77.
- ⁶⁷ Ходукин Я.Н. Указ. соч. С. 13.
- ⁶⁸ Филиппова М.В. Указ. соч. С. 71.
- ⁶⁹ ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 13, л. 16–19.
- ⁷⁰ Рагулина М.В. Указ. соч. С. 116–117.